

Лилия Подгайская

Месть попугая

1

*Швейцария,
Цюрих,
Весна 1956 года.*

Эта история почему-то с самого начала не понравилась комиссару Шенку. Ну, не понравилась, и всё. Каким-то шестым чувством он уловил в ней двойное дно. И потом, имя погибшей — Марта — сразу всколыхнуло множество чувств, вспоминать о которых не хотелось. И самым ярким из них было ощущение беспомощности перед чужой злой волей. Да, предотвратить убийство он тогда не мог, поскольку даже не догадывался о бешеной злобе сводного братца, о котором не знал совсем ничего, просто слышал о том, что он существует. Повторения этого пренеприятнейшего ощущения не хотелось. А здесь, он это чувствовал почти физически, был возможен второй дубль. Пусть не такой яркий, но достаточно болезненный. И если это всё-таки не самоубийство, он никогда не

простит себя. За неё, бедняжку, и заступиться-то некому, чтобы обелить её память. Поэтому времени у него в обрез.

Само происшествие банально, как яблоко. Утром домовладелица, обходя по твёрдо установленному правилу комнаты, сдаваемые внаём, нашла фройляйн Марту в петле. Было очевидно, что она повесилась сама, поскольку в комнате всё было на своих местах, и даже деньги за последние дни, плата, которую она должна была внести, лежали на тумбочке, придавленные простой глиняной вазочкой для цветов.

Фрау Берта, естественно, вызвала полицию. Сказать о своей жилищке она могла совсем мало, поскольку никогда не вникала в проблемы тех девушек, которые находили приют у неё в доме. Её особо не волновали вопросы, как и почему эти несчастные и одинокие существа оказывались здесь. Важно было только, чтобы они своевременно вносили плату за проживание и ничем не нарушали установленный ею режим.

Девушек было шесть, сказала она полицейскому. Фройляйн Марта занимала комнату № 5 на втором этаже, жила здесь уже примерно года полтора, платила регулярно, тишину и порядок не нарушала никогда. Единственное, что знала о ней хозяйка, это место работы — девушка была

продавщицей в отделе женского белья в двухэтажном магазине в трёх кварталах от её дома.

Это было всё, что удалось узнать. Поэтому в рапорте о происшествиях за день дело прозвучало как обычное самоубийство. К сожалению, это случалось не так уж редко. Не всем людям, особенно одиноким, удаётся выдержать сражение с реалиями жизни, подчас довольно жестокими. Особенно уязвимыми в этом отношении оказывались мягкие романтические натуры. Они жаждали от жизни сказки, а не получив её, ломались. Но была ли фройляйн Марта именно такой особой, романтической и слабой, не мог сказать пока никто. Был налицо лишь факт самоубийства.

Подумав некоторое время, комиссар Шенк вызвал к себе офицера Глински.

— Вот что, Матеуш, — сказал ему, — возьми-ка ты своих ребят и займись этим делом. На вид всё просто и очевидно. Но я не привык доверять слишком простым криминальным происшествиям. К ним всегда приводят какие-то подводные течения.

Комиссар встал из-за стола, прошёлся по кабинету и какое-то время постоял у окна, выходящего на людную, но относительно спокойную улицу. Офицер Глински терпеливо ждал.

— В общем, так. Чтобы нам потом не было стыдно за то, что просмотрели, сделай следующее. Поговори с судмедэкспертом, пусть проявит максимум внимания. Это раз. Второе, поговори с девушками в доме, это тоже важно. Они могут быть куда внимательнее друг к другу, чем фрау Берта к ним всем. Потом ещё поговори в магазине. Да, и узнай поподробнее, кто она такая и почему живёт одна в съёмной комнате. Это, пожалуй, всё. Остальное сообразишь сам по ходу дела. Ты у нас натура чувствительная, может, что и учуешь.

Комиссар улыбнулся своему помощнику и отпустил его. А сам занялся текущими делами. Их почему-то накопилось на столе больше, чем обычно. И почему бы так? Просто потому, что на дворе весна, и работать хочется меньше обычного? Или потому что малышка Катрин, его любимая девочка, последние три дня была что-то нездорова, и это очень тревожило? Но, так или иначе, работать-то надо. И комиссар углубился в бумаги, лежащие на его рабочем столе.

2

Офицер Глински принял задание шефа с должным вниманием и принялся за дело с обычным рвением. Однако его «чувствительная натура», как

выразился комиссар Шенк, помалкивала и никаких сигналов не подавала. Поэтому офицер был совершенно спокоен. Он собрал свою группу и распределил задания, отправив помощников в магистратуру, что было обычным рутинным делом, в магазин, где работала повесившаяся девушка, и в дом, где она жила, чтобы ещё раз снять показания с домовладелицы. И велел быть максимально въедливыми, вцепляться, как терьер, в каждое слово. И вечером они все должны были встретиться в доме самоубийцы.

Сам же он отправился в отдел судебно-медицинской экспертизы. Это было наиболее серьёзной частью задания, и её офицер оставил, естественно, за собой. И вот тут-то и прозвенел первый звоночек.

Делом занимался ими всеми глубоко уважаемый эксперт Герд Гриммель, пожилой мужчина с седыми висками и множеством морщин на лице, но энергичный в движениях и с молодо блестящими голубыми глазами.

— Герр комиссар просил вас, герр Гриммель, — озвучил цель своего появления здесь офицер Глински, — обратить пристальное внимание на тело фройляйн Марты Фринкель, самоубийцы.

— Меня и просить не надо, — усмехнулся судмедэксперт, — уже обратил. Пойдёмте-ка со

мной, покажу.

И он повёл офицера в большую комнату, всю сплошь выложенную белым кафелем, как операционный зал, и с тремя каменными столами необычной формы. Два из них пустовали, а на третьем лежало тело молодой женщины с очень милостивым, но посиневшим лицом.

— Вот, смотрите, — подвёл его ближе герр Гриммель, — на шее женщины отчётливо видна странгуляционная борозда. Видите? Но вся тонкость вопроса заключается в том, что при самоповешении и повешении чужими руками она ложится немного по-разному. А здесь и вовсе выглядит как-то странно. И в данном случае я никак не могу утверждать, что девушка повесилась сама. Впрочем, у меня нет пока доказательств и обратного. Думаю, вскрытие, которым я сейчас займусь, позволит кое-что прояснить.

За дальнейшими действиями герра Гриммеля офицер Глински наблюдать отказался. Он заявил, что его вполне устроит написанное на бумаге заключение специалиста. Зрелище, которое ему предлагалось, было не для слабонервных. Себя к таковым офицер, конечно, не относил. Однако с большим удовлетворением покинул это мрачное обиталище смерти и глубоко вдохнул, лишь оказавшись на улице. Перед глазами стояло синюшное лицо и страшная полоса на шее, которую

герр Гриммель по-научному назвал странгуляционной бороздой. С него вполне достаточно было и этого.

Только пройдя пару кварталов по людной улице и прошагав через освещённый ярким солнцем цветущий сквер, офицер Глински смог взять себя в руки полностью. И только тогда отправился на встречу со своими ребятами — видеть его выбитым из колеи они не должны.

Посещение магистратуры, да и магазина тоже, не дало ничего особенного. Фройляйн Марта Фринкель была обычной девушкой, самостоятельно зарабатывающей себе на жизнь. Таких немало было в большом городе, который манил к себе этих любопытных легкокрылых бабочек, как открытый огонь в темноте. И так же безжалостно сжигал в своём пламени самых неосторожных.

Собравшись в доме фрау Берты, дознаватели разошлись по разным комнатам, чтобы поговорить с живущими там девушками. Самому офицеру Глински досталась девушка, живущая в комнате, расположенной рядом с № 5, прямо за стеной.

Девушку звали Анна Кримсель, и она была очень расстроена, очень.

— Марта была моей подругой, герр офицер, — сказала она, как только он начал разговор. — Мне больно это слышать, поверьте.

И она расплакалась. Офицеру Глински было тягостно видеть текущие градом слёзы на таком

милом, хоть и слишком бледном лице с красивыми карими глазами.

— Успокойтесь, фройляйн Анна, прошу вас, — попытался он остановить поток слёз. — Расскажите мне лучше, как давно вы знаете фройляйн Марту, и что она была за человек.

Девушка ненадолго задумалась, вытерла глаза маленькими кулачками, совсем по-детски, и начала:

— Я живу здесь уже почти год, и всё это время мы общались с Мартой по вечерам и выходным дням. Частенько вместе ходили на прогулки или в кино. Я и работаю в том же магазине, только в отделе детских игрушек.

Она судорожно вздохнула.

— И я не верю, что Марта могла вот так, ни с того, ни с сего, покончить счёты с жизнью. Не такой она была человек. Она была оптимисткой, герр офицер, и любила жизнь. Я даже училась у неё силе духа и умению верить в лучшее, поскольку сама немного слабовата характером и иногда впадаю в хандру.

Офицер Глински насторожился. Вот оно, продолжение ниточки сомнений, которая крепнет на глазах.

— А вы ничего странного не заметили в тот вечер, что предшествовал событию? — спросил он очень осторожно, даже не надеясь, что услышит что-нибудь существенное.

Но фройляйн Анна вся напряглась и широко открыла перепуганные глаза.

— Я и сама не знаю, как понимать то, что было тем вечером, — проговорила она, и голос её дрогнул. — Мне что-то нездоровилось, болела голова, появился озноб. И я легла спать рано, приняв таблетку аспирина. Но сон мой был неглубокий и беспокойный. И мне почудилось, что я слышу голоса за стеной, в комнате Марты. Два голоса, её и чужой, мне кажется, мужской, но не такой низкий как ваш, герр офицер. Этого быть на самом деле не могло, потому что по строгим правилам фрау Берты посетителей принимать мы не имеем права. Да и попасть в дом просто так невозможно. Думаю, мне это всё просто приснилось. Но это был очень странный сон, и он меня напугал.

— Хорошо, фройляйн Анна, вы посидите здесь и соберитесь с мыслями, а я вернусь к вам минут через двадцать.

И офицер Глински поспешил к своим людям, чтобы воспользоваться светлым временем долгого весеннего дня. И они стали искать следы возможного проникновения в комнату фройляйн Марты, минуя главный вход. Дорога оставалась одна — через окно. Его осмотрели очень внимательно, изнутри и снаружи. Тщательно изучили и землю под окном. И тут нашли явные

следы от лестницы. Сама она обнаружилась тоже, но вдалеке, под самым забором. На ножках остались следы земли, достаточно свежие.

Картина происшествия на глазах приобретала совсем другой вид. Прав был комиссар Шенк, когда не поверил в слишком явную его простоту. Оставалось только выяснить, с кем поддерживала убитая настолько близкие отношения, чтобы принимать визитёра в своей комнате тайно. И офицер вновь вернулся к фройляйн Анне.

Оказалось, что её подруга не завела друзей в городе и практически не имела достаточно близких знакомых. Жила чуть ли не затворницей, как и она сама. Но по пути с работы домой она частенько заглядывала в зоомагазин, который находится как раз по дороге. Там у неё появился необычный приятель — большой попугай по имени Франтишек. Фройляйн Марта почему-то привязалась к этой птице и с улыбкой рассказывала подруге, как разговаривает с ней. Носила ей лакомства иногда.

Эта история совсем уже не была похожа на то, что обозначилось при первом рассмотрении этого самоубийства, которое по всем признаками прямо на глазах перерастало в убийство, хитрое, изощрённое и совершенно непонятное.